

Серик
Асылбекулы

ПОД СИНИМ НЕБОМ, НАД ЗЕЛЁНОЙ ЛУЖАЙКОЙ

Повесть

В глубоком безмолвии дремлет долина большой реки. Ни дуновения нет, ни порыва ветерка. Августовское солнце, вызолоченное слепящим багрянцем, незаметно движется к полудню. Эти берега Сырдарьи, известные как дикие и безлюдные, словно сомлели в безмятежном сне под совершенно чистым безоблачным небом. Вдруг послышался трескучий рев мотоцикла, взорвавший тишину задремавшей реки. И будто только этого ждали, там и тут всполошенно застрекотали сороки, тревожно заколыхались, зашелестели пышные метелки рослого камыша, чьи заросли были столь высоки, что с головой бы укрыли всадника на крупном коне. Среди густых зарослей спряталась прогалина, на которой свободно разместился бы дом. Укромный пятачок весь был залит солнечным светом.

Жанабек, голый, в одних только трусах, безмятежно загоравший под лучами солнца, вздрогнул от неожиданных звуков и резко поднял голову, вслушиваясь. Вдали – там, где дорога, – несясь одинокий смерч, ввинчивая в небо пыльный хвост, и его вид вроде бы навевал успокоение обеспокоенной душе. Однако неотступный вопрос: «Апырай, что за мотоцикл заплутал в этой глухомани?» – цепкой занозой покалывал мозг. Жанабек вроде бы уже пришел в себя, но непонятная, безотчетная тревога холодила изнутри, и слабая дрожь то и дело пробегала по всему телу. Джигит поднялся, выдернул удочку, воткнутую в илистую топь берега, и, сам не понимая, зачем это делает, принялся поспешно сматывать леску.

Надо сказать, в этот забытый богом край, лежащий в глуши, в стороне от маленького, в сорок домов, отделения совхоза «Акиин», имеющего всего несколько тракторов и единственный водовоз, вроде бы не должна была заглядывать ни единая душа даже на коне, не говоря уже о технике. А если и заглянул бы кто на какой-нибудь старенькой машине, то только по прямой дороге, что проходит вдоль окраины аула Жалгызтал. Водопой для скота и кое-какие огороды и бахчи фермы тоже находятся в той стороне. «Пусть это сам диу, скорее всего, он из тех русских, что рыскают в поисках кабанов», – осенило вдруг Жанабека. Но откуда здесь взяться диким свиньям? Они еще встречались небольшими стайками в прогалинах тугая четыре или пять лет назад, а потом словно сгинули все разом...

На отшибе, в девяноста километрах от «Акиина», находился закрытый военный городок, не помеченный ни на каких картах. В памятные годы, когда Сырдарья была еще полноводная, не обиженная ни богом, ни людьми, из этого городка нет-нет да заглядывали в выходные дни офицеры на машинах или мотоциклах с солдатами и азартно прочесывали берега реки до самого устья у моря. Видать, наступили другие времена и для этих сорвиголов, и в последние несколько лет будто вымело их ветром – больше никто не видел их здесь.

Мотоцикл, нарушивший покой безлюдных берегов, внезапно оборвал свой рев, скрывшись где-то в густо заросшей лощине, выходящей своим устьем в реку, и окрестности опять окутались полуденным безмолвием. Спустя несколько минут послышались громкие голоса вольготно чувствующих себя людей.

Собрав рыболовные снасти и прислушиваясь к голосам из лощины, Жанабек принялся подбирать там и сям разбросанную одежду. Похоже, прибывших было двое, однако, несмотря на это, их голоса заполнили весь берег, создавая ощущение, будто нагрянула целая толпа.

– Эй, да здесь же настоящий коммунизм!.. – словно из мегафона, гулко раскатывался чей-то голос. – Кстати, ты не забыл... чем нам горло промочить? Не оставил дома впопыхах?

– Как я могу это забыть, что, я – проклятый богом? – ответил второй голос, очевидно, принадлежавший человеку, заметно моложе первого. – Шал, если я с тобой, можешь ни о чем не переживать.

– Маладес! В общем, как говорят об этом?.. Ученик обгонит учителя? В конце концов ты обгонишь меня. Ха-ха-ха!.. Ойпырмай, эти места – прямо рахатизм! Если придется побывать еще в этом ауле, это местечко забывать нельзя. В общем, если есть рай, он похож на это место.

– Шал, это же не проблема. Сейчас самое главное – найти этого рыбака. По словам его бабы, он должен быть в этом сае или где-то рядом. Если, конечно, не спрятался, заметив нас...

Услышав эти слова, Жанабек импульсивно вздрогнул, не заметив, как один туфель, растоптанный, с разбухшим тупым носком, выпал из рук. Если до этого обладатели голосов казались ему незнакомыми, то теперь второй голос живо явил ему облик человека. Да это Токтар – старший сын продавца, проживающий в районном центре! И мотоцикл его. В «Акиине» больше ни у кого нет такого «Урала». А недавний громкий рев издавал именно этот «Урал».

Громко переговариваясь, создавая своими голосами странный диссонанс безмолвию речного пространства, эти двое поднялись из сая и подошли к прогалине, оказавшись в метрах пятидесяти от Жанабека. И тут же увидели его – неуверенного в себе, боязливо мнущегося на месте. Нежданной встречей не только Жанабек был поражен, но, казалось, приятно были ошарашены и эти двое. Два дюжих крепыша в обтягивающих джинсах, в футболках, тесно облегающих торс, во все глаза уставились на молодого парня, топчущегося на месте, словно вор, застигнутый на месте преступления. Они таращили глаза, как будто увидели не двуногое, как и они сами, человеческое существо, а невиданного обитателя непроходимых зарослей – таинственного жезтырнака.

– Ну вот, если и называют долгожданной, то именно такую встречу! – пришел в себя после минутного замешательства Токтар, рослый парень двадцати трех лет,

с рябым от оспинок беловатым лицом. – Шал, ты, конечно, его не знаешь. Рыбак, которого мы ищем, и есть этот рыжий.

Он повернулся к стоявшему рядом с ним невысокому смуглому джигиту с плотным крепким телосложением, с пристально-узким прищуром глаз, едкий взгляд которых, казалось, мог пробуравить тело и пройти насквозь через внутренности.

– Ну и ну, вот это встреча, да-а?

– Брось ты, неужто, в самом деле?

– Иллахи-биллахи!

– Тогда почему он не здоровается с нами? – смуглый крепыш еще сильнее сощурил глаза и вперился в Жанабека своим буравящим взглядом, будто мстительно требуя некий долг.

Стоило ему это сказать, как Токтар, с шумом рассекая ногами густые заросли, ринулся прямо к Жанабеку.

– Не здоровается, так сейчас заставим. Шал, ты только стой и смотри на мой концерт!..

Никак не ожидавшего, что ситуация так дурно обернется против него, Жанабека охватило тоскливое предощущение человека, не умеющего ни драться, ни противиться насилию. Низ живота сковало холодом, и он, по-прежнему прижимая к груди один туфель, словно боясь, что его отнимут, вытаращив глаза, с самым жалким видом пятился назад и пятился. От страха его кинуло в ступор. Отступая назад с выпученными жалкими глазами, за какую-то долю роковой минуты тем не менее он успел вспомнить, что в районной газете опубликован материал (будь он проклят!) – острый фельетон про продавца магазина отделения «Акиин», попирающего правила советской торговли... Что он, моторист этого отделения, внештатный корреспондент газеты «Свет коммунизма», на свою беду является автором этой злополучной статьи... И что, конечно, во всем виноват не кто иной, как он сам, Жанабек Сибадиллаев. И все же в чем вина внештатного корреспондента Жанабека Сибадиллаева? Он же написал святую правду, которую узрел собственными глазами, а правда есть правда – в ауле были грубо попораны правила советской торговли.

Все-таки людская правда есть сугубо относительное понятие, и соображение об этой самой правде у Токтара, сына продавца, и его товарища вовсе не походило на его собственное соображение. Поэтому его современники – два здоровяка, выросшие в сытых, благополучных семьях, с точки зрения своего понятия о правде намеревались внушить это с помощью кулаков – Жанабеку, то есть осудить и расправиться с жиденьким, голубоглазым рыжим парнем. С этой целью они искали его с самого обеда. Они могли и не найти его, и в этом ничего удивительного не было бы. Причиной их успеха стала жена рыжего парня. Ей, бедняжке, откуда было знать, зачем они ищут мужа, она и указала, где его искать.

– Стой!.. – дико заорал вдруг сын продавца. – Стой, говорю! Все равно от нас никуда не убежишь.

Жанабек невольно остановился. Сын продавца говорил истинную правду: от этих двух упитанных, ненасытных чертей, словно рвущихся с цепи, улизнуть было невозможно. Стоило только мотористу-джигиту подумать об этом, как ноги у него задрожали, подкосившись, и все внутри еще сильнее заохлодело от страха.

И вот Токтар уже рядом, в двух шагах от него.

– Эй, ты, тощак! Ну-ка, скажи, что это за претензии у тебя к нашему отцу? Давай выкладывай, как на духу!

И внештатный корреспондент газеты ясно понял, что, как ни крути, а кулаков отведать придется, поэтому лучше показать зубы, чем жаться перед ними в самом жалком, постыдном виде.

– Пусть твой отец не обманывает народ, не наживается за счет людей! – сказал он дрожащим голосом. – Я написал правду.

Не успел Жанабек произнести это и закрыть рот, как свинцово-тяжелый кулак два или три раза пригвоздил его по уху и в висок. В одно мгновение перед глазами потемнело, а в голове поплыл горячий звон. Без того слабые ноги, едва державшие его, согнулись в суставах, и он рухнул на колени.

Оглушенный, он ничего понять не мог: хотя помнил, что опасался до этой минуты сына продавца, все же такое проворство, сила удара и неуловимая скорость движения ошеломили его. В это смутное мгновение потери своего «я» он ясно осознал, что совершенно беспомощен и не владеет никаким опытом настоящей мужской кровавой драки, несомненно, бывающей меж людьми.

– Ну-ка, вставай!.. – тяжелые руки Токтара схватили его за горло, сжимая душащую хватку, изо всех сил встряхнули. – Вставай!.. Тебе, оказывается, правда нужна?! Ах ты, чертик из табакерки, правдолюб поганый!..

– Пусти! – прохрипел Жанабек.

Сын продавца не собирался отпускать его, напротив, он поставил жертву на ноги и принялся с остервенелой злобой гвоздить ее кулаками по вискам, подбородку, в живот, закипая лютой яростью. Из рта, носа избиваемого потекла кровь. В голове гудело и звенело, перед глазами колыхалась багровая муть. Жанабек падал, вставал, шатаясь, делал шаг, другой и опять падал. Как бы то ни было, он тоже ведь сын своего отца, джигит. Поначалу, опаленный злостью, он попытался выбросить встречные удары, однако его кулаки проваливались в пустоте, летя наугад в сторону.

– Ха-ха-ха! Ой, надорвусь от смеха!.. Эй, смотри, он хочет драться с тобой!..

Смуглый крепыш, с удовольствием взиравший со стороны на происходящее, залился хохотом, видя, как мельтешат в пустоте кулаки Жанабека.

Неожиданно ноги Жанабека зацепились за корень жынгыла, и он во всю длину тела рухнул на землю. «Теперь жди пинков, жалеть не станет», – думал он, глядя на то, как мельтешат бугристые толстые бедра бегущего сына продавца. Он закрыл глаза, согнулся и прикрыл лицо ладонями. Пинков не последовало.

Токтар все так же вопил диким голосом:

– Вставай, пока душа в теле! Иначе размету тебя в пух и прах!

Повинуясь инстинкту самосохранения, джигит-корреспондент усилием воли напряг отказывающиеся члены и, едва держась на трясущихся ногах, поднялся. По правде говоря, после града обрушившихся на него чугунно-тяжелых ударов у него отсутствовала не только мысль о необходимости драться, но даже желание хоть как-то защищаться. И было странно видеть, что, словно ничего не произошло, ничего не изменилось в последние минуты, все вокруг так же покоится и дремлет в полном мире и согласии: так же легко покачивались пышные метелки высоченного камыша, голубело безоблачное небо, так же трепетали ветки одинокой вербы, под которой с раннего утра рыбачил он, а утомившись, отдыхал в ее тени, нежась в зыбких полутенях. И самым удивительным было то, что прежнего

шального страха, морозно обжегшего его при виде непрощенных гостей, уже не было, он канул.

– Ну, бей!.. Ну и что, написал – так написал!..

Несчастный внешкорр едва шевельнул распухшими губами.

– Ой, а он, оказывается, упрямая скотина? Ну-ка, пусти меня, – начал яриться смуглый крепыш с пронзительно-едким прищуром глаз и смоляными изогнутыми бровями. – Смотри, он еще балаболит, никак не угомонится.

– Ладно, Шал, сказал же, не встречай!

Сын продавца, придерживая беспомощного противника, изловчился и нанес ему еще один удар. Мощный хук пришелся прямо в подбородок, Жанабек пошатнулся, сделал шаг, другой и рухнул на землю. Больше он ничего не помнил ни себя, ни того, что происходило вокруг. Когда пришел в сознание, то понял, что руки и ноги его крепко-накрепко перетянуты арканом, а сам он лежит, как бревно, боком на рыхлом прибрежном иле. Поначалу он подвигал ресницами. Набухшие веки, давившие свинцом, не давались, а когда подчинились, то пробудили пульсирующую боль, наполнившую глазницы. «Пропал я... – подумал Жанабек, утопая в саднящей горечи. – О, душа моя, Бог ты мой, почему ты сотворил меня таким беспомощным?!»

Похоже, в нем не осталось ни одной клеточки, которая не болела бы. Попробовал шевельнуться – тело отозвалось такой множественной болью, словно было пронизано тысячами игл. Голова весила, наверное, пуды. Особенно сильную боль причиняли до крови ободранный один локоть и разбитый нос, терпеть ее не было никаких сил. Губы распухли и растрескались, они казались не своими. Он облизнул их, чтобы немного увлажнить, рот тотчас свело терпким вкусом крови, сердце забилося, колотясь о ребра. Его затошнило, и рвота комом заполнила глотку.

– Смотри, а этот ожил!.. – сказал кто-то резким, бьющим по слуху басом. Это был голос того самого черного крепыша.

«Они, оказывается, еще не ушли, – подумал Жанабек как-то отрешенно. – Ладно, мне же теперь все равно». Он повернул голову, напряг зрение, вглядываясь в сторону, откуда послышался голос, и метрах в пятидесяти на небольшом бугорке увидел тех двоих – они распивали водку. Поглядывая на него и тыкая друг друга в бок, они показывали на него, ухмылялись, заливались дурным смехом. «Кошке нужна игра, а мышке – смерть, – подумал Жанабек. – Эх, опозорен же я, хуже не бывает...» И обмотанный пеньковой веревкой вештатный корреспондент невольно отвел взгляд в сторону.

– Эй, бог знает, этот бедняга тоже хочет отведать нашего сугрева, – начал давиться беспричинным смехом товарищ Токтара, подмечавший каждое движение своей жертвы.

– А что, мы не жадные, сейчас поделимся, – усмехнулся сын продавца. Затем, издали уставившись на Жанабека, сказал: – Но только после того как глотнешь это, готовь душу к прощанию, понял? Швырнем тебя в воду вон с того обрыва. Бедные рыбы Дарьи, пусть порадуются дармовому корму.

– Эй, а ведь это хорошая идея. Вижу – твоя башка хорошо работает!

Тот, которого кликали Шалом, начал поглаживать обеими руками гладко обритый затылок и виски с едва начавшей чернеть ранней щетинкой.

– Однако он тоже раб божий, поэтому прежде чем отправить его в ад, дай ему попробовать этого райского напитка.

– Сделаем, только скажи, Шал. В общем, сам знаешь, руки у меня щедрые. Сейчас ты сам в этом убедишься.

Токтар сказал это и тотчас принялся наливать водку в двухсотграммовый стакан. Потом, хотя и не был пьяным, но давая знать, что уже изрядно под мухой, притворно пошатываясь, подошел к связанному Жанабеку, лежавшему на тине, и тяжело опустился на колени.

– На, пей!..

Резкий запах русской водки ударил по ноздрям, ознобом устремляясь в голову. Жанабек поморщился и замотал головой.

– Пей! – Токтар поднес стакан к самому рту Жанабека. – Пей, говорю! Иначе сейчас буду лить в твою глотку.

Внештатный корреспондент упрямо скривил лицо и отвернул голову в сторону.

– Что он делает, а?!

Сын продавца рывком поднял его голову, положил себе на колени и, невзирая на отчаянное сопротивление, принялся насильно лить водку из стакана ему в рот.

– Пей, сопляк! Пей, говорю тебе!

Чтобы не захлебнуться прибывающей жидкостью, бедняге ничего больше не оставалось, как глотать и глотать водку, и вроде бы справился с этой задачей, по крайней мере, ни разу не закашлялся. Без того горевшее и саднившее нутро от водки словно запыхало ярим пламенем. Добившись своего, Токтар опустил на землю его голову.

– Ну как, после этого, наверное, за километр будешь обходить чертовую редакцию, а? – с усмешкой глянул он на своего простертого противника, беспомощно глядевшего куда-то в сторону. – Эй, корреспондентик, я у тебя спрашиваю!

Душа была разбита на тысячи осколков, горя в дьявольском огне позора и унижения. Жанабек молчал, стиснув зубы. Из уголков глаз выкатились несколько слезинок и потекли по щекам. Хорошо, что сын продавца не заметил их. Неторопливо, чуть косолапо шагая, тот подошел к черному крепышу, вороном восседавшему на бугорке, и устроился рядом.

Мало-помалу жар все ошутимее охватывал тело, вскоре оно раскалилось, как в растущем огне, пылавшем в недрах клеток. Теперь он изнывал от жажды, распухший язык не помещался во рту. Попробовал было рвануться раз и другой, однако впившийся в кожу аркан вызвал такие импульсы боли, что измученная страданиями душа, казалось, уже покинула ноющее тело. После чего, обессилев, он притих и далее лежал, не шевелясь.

Вокруг опять воцарилась тишина, заросли поникли, погруженные в долгую полуденную молитву. Те двое, не как прежде, вели себя тихо, они снова пили водку, но их голоса доносились приглушенно и неразборчиво. «Неужели, эти бандиты в самом деле решили бросить меня в реку?!» Когда такая мысль приходила в голову, несчастный корреспондент ощущал, как его бросает то в жар, то в холод, и все внутри томительно обмирает. В ста или сто пятидесяти метрах отсюда вниз по реке есть известный водоворот. В этом омуте, прозванном «Кызкеткен», находящемся под высоким крутым обрывом, вода никогда не мелеет даже в засушливые годы, когда Сырдарья далеко отступает от берегов. И водоворот своим видом наводил на людей жуть: большая река, величаво несущая свои воды по широкому руслу, подходя к этому обрыву, мутно вспенивалась под ним, словно в приступе

закипающего гнева, заходила темными волнами, то и дело схлестывающимися быстрыми воронками, и только потом, выйдя из омута, успокаивалась и плыла себе дальше. Говорят, некогда девушка из Акиина по имени Дарига, разлученная со своим возлюбленным, бросив вызов родителям и родственникам, привязала к шее камень, бросилась с обрыва в омут и утонула. Название обрыва Кызкеткен якобы осталось после этого.

«О боже, неужели и мне тоже суждено лежать на дне этого омута? – когда такая пугающая мысль обожгла душу, Жанабек впервые обратился к Всевышнему. – Ойпырмай, в чем моя вина перед Аллахом, или мой грех в том, что перед всем народом вывел на чистую воду продавца, пивайкой сосущего кровь из людей? Не-ет, если Аллах на самом деле есть, он не обрушит кару на меня из-за этого. Разве пресвятой, всеблагой Бог не защищает справедливость и истину? А если это так...» На этом месте мысли Жанабека оборвались, некоторое время он не ощущал прежней боли, ввергнувшей в муки и тело и душу, затем мир перед его глазами со всеми чувствами и образами стал заволакиваться туманом, терять очертания, стираясь, все глубже погружаясь во тьму...

* * *

Можно сказать, что Жанабек с малых лет хлебнул из чаши горького сиротства и в то же время не хлебнул. Покойный Сибадулла, отец, вверил трехлетнего сына заботам его матери и двух старших сестер. Долгожданный сын родился, когда был Сибадулла уже в годах, и перед тем как покинуть сей мир, поручил он свое имущество, нажитый скот жене и близким родственникам. Бедняга на смертном одре все время твердил, чтобы заботились о единственном наследнике до тех пор, пока не обретет богом посланную избранницу – спутницу жизни. Его чаяния не пропали даром, жена и две дочери-погодки не забыли наставления хозяина очага: хотя единственный сын и не купался в деньгах, не был разбалован, но никакой нужды и обид не знал. Однако был ли на земле такой потомок, который походил бы на родителя меньше, чем кроткий Жанабек? Как ни ублажали его в семье, баловнем судьбы он так и не стал. С малых лет видя на лице вдовой матери и осиротевших сестер следы постоянного недостатка и печали, он вырос застенчивым джигитом, но с затаенной злопамятностью. Не смог он покинуть аул и уехать куда-нибудь далеко в поисках образования. Когда сестры, повинувшись природе, вышли замуж и разъехались по сторонам, он остался со стареющей матерью, тускнеющей и теряющей силы с каждым годом. И тогда ему пришлось изведать трудностей. Приняв это близко к сердцу, хотя и застенчивый, но от природы самолюбивый юноша оставил учебу после девятого класса и устроился на работу. «Светик мой, хотя бы десятый класс закончил, со мной же ничего не случится, ведь живем среди людей», – умоляла его мать, но он не стал ее слушать. Она уповала на широту народного характера, он же не хотел, чтобы на старости лет бедняжка мать унижалась по каждому поводу, с припрятанной бутылкой водки в рукаве умоляя какого-нибудь шофера: «Милок, есть у меня тележка сена, есть дрова, нужно подвести...»

Поначалу он подвизался на ферме простым рабочим, потом стал мотористом. И эта профессия оказалась очень удобной для него. Днем он дома, занят своими делами по хозяйству, смотрит за скотиной, подновляет сарай, крошит сено и солому, а если ближе к вечеру вовремя включит мотор движка и даст еще

бодрствующему народу «Акиина» нужный ток, то больше ничего от него людям вроде и не надо.

В малочисленном ауле каждый специалист на виду и каждый дорог. К тому же сегодняшняя жизнь людей всецело зависит от электричества. И власть над ним оказалась в руках Жанабека. Он и моторист, и монтер, он и механик, и если в каком-нибудь доме перегорит розетка, зовут его, он идет и чинит. Что ни говори, отец же у него был кузнец, и у сына руки умелые, находчивые: если захочет, не только розетку, но и разные радиоприемники и телевизоры приведет в божеский вид. К чему долго говорить и морочить голову, всего этого с лихвой хватало для того, чтобы подрастающий юноша-сирота и старуха-вдова приобрели в ауле немалый авторитет и уважение. Так получилось, что если раньше матери приходилось бегать по аулу с разными просьбами, то теперь народ стал ходить за ними.

– Жанабекжан, если он еще годится на что-нибудь, почини этот чайник. Пропади он пропадом, хотела купить новый, а в треклятом магазине нет.

– Деверек, посмотри, поковыряйся в телевизоре дяди, с тех пор как сломался – детей силой домой не затащишь.

– Айналайын, вот это радио – осталось как память о твоём деде, глянь-ка на него хоть одним глазом.

Вот такие просьбы Жанабеку приходится слышать чуть ли не каждый день. Бедняжка мать, видя все это, в душе возносила слова благодарности Богу, а когда оставалась наедине с сыном, то давала ему знать о самой заветной своей мечте.

– О, боже, тысячу благодарностей!.. Ты наставляешь на путь, выводишь в люди единственного моего... Если в этом доме появится та, которая станет хозяйкой всему, что накопила и сберегла, то считай, что у меня больше нет никакой мечты.

После таких сокровенных монологов матери поначалу Жанабек заметно тушевался, почесывал затылок и отводил взгляды. А если мать начинала такие разговоры в присутствии посторонних людей, он смущенно краснел, невнятно бормоча: «Эх, мать, не успокоится...» Не только мать, но и старшие сестры, назежавшие иногда в аул, после обычных приветствий и расспросов, кто их знает, будто подталкиваемые лукавым бесом, начинали затрагивать всю ту же тему о невестке. Странными же бывают эти взрослые! Но самое интересное заключалось в том, что в душе он сам не был против этой безымянной призрачной келин, обитавшей пока в их воображении. Если подвернется случай, был готов жениться хоть сейчас. Вся проблема в том, что случай не подворачивался. А что скажешь о них, наивно полагающих, что упрямый Жанабек серьезно настроен против женитьбы?

Как бы то ни было, зачастую бывает так, что отвлеченные фантазии воплощаются в жизнь – в конце концов и Жанабек женился. Мать и сестры были вне себя от радости. Они то и дело повторяли:

– О, боже, пусть продлится наше счастье!

Действительно, было заметно, что они с замиранием сердца ждали этого дня. Бедняжки, когда шла свадьба, они, вне себя от радости, носились, хлопотали, не чуя под собой ног.

На их везение невестка – Озипа, дочь пастуха из дальнего степного отгона, оказалась чистосердечной, радушной девушкой. С малых лет она была привычна к труду, все спорилось в ее руках, что ни говори – дочь чабана все-таки, не было дела ни по дому, ни по хозяйству, неизвестного ей. Дивясь этому, аульчане долго

говорили: «Ойпырмай, смотрите-ка, что высмотрела, выплакала Сыргалы, что чаяла, то и дали ей. Какая у нее невестка!.. Просто огонь, да и только!..» Так, с одной стороны, они поздравляли хозяйку дома с такой невесткой, с другой стороны, конечно, не могли скрыть и понятную зависть.

Жанабек был счастлив. Не только окружающий люд, но и сам он порой не верил своему счастью. Бывало, устроившись на помосте, занятый каким-нибудь делом, поглядывал он на молодую жену в ослепительно белом платке, пестро-красном платье с разводами, порхающую туда и сюда по двору, и, видя ее смуглое обветренное лицо, смородинками сверкающие глаза, тонкий стан, маняще качающийся, изгибающийся ивой, ловил себя на том, что его неудержимо влечет к ней. Как бы то ни было, Озипа заметила это.

Однажды ночью, когда они лежали, тесно обнявшись, она горячо шепнула ему на ухо:

– Прошу тебя, когда сидишь на помосте, не смотри на меня так. Мне стыдно...

Жанабек сильно смутился. И как было ему не смущаться, обе щеки жарко покраснелись, а нос покрылся капельками пота. Хорошо, что было темно, и никто не мог увидеть, как ни с того ни с сего изменился он в лице.

– Прости, больше не буду смотреть... – пробормотал он.

Озипа прыснула в темноту, залиvisto засмеялась, а у него от ее смеха побежали мурашки по коже.

Через некоторое время, успокоившись, когда плечи перестали дрожать, она спросила:

– И что, выходит, ты совсем перестанешь на меня смотреть? Лучше скажи: смотреть буду, но перестану есть тебя глазами.

Жанабек сразу понял, что его ответ получился неуклюжим. «Ойбай, если не буду смотреть на Озипу, то на кого еще смотреть? Другое дело – сказать: “Не буду есть тебя глазами”. Парень, как ты мог сказать – перестану смотреть на тебя?!» Вот так терзал он себя, каялся: «Эй, я же... дурак, недоумок...».

* * *

День за днем, неделя за неделей шло время. Старая Сыргалы, ронявшая тяжелые вздохи, мол, «если в этом доме появится молодуха, способная стать хозяйкой всему, что накопила и сберегла, то у меня больше не останется мечты», готовившаяся на тот свет, узрела-таки не только долгожданную невестку, но даже и внучку. Жанабек привык к Озипе, та привыкла к Жанабеку. Он обвыкся настолько, что, если только не по настроению, а так уже и не глядел на жену, как в первые годы. Не-ет, он нисколько не охладел к ней. Он по-прежнему любил Озипу. Однако джигиту, перевалившему за двадцать, неуклонно мужающему, одной Озипы и движка, дающего электричество, для полного счастья уже было маловато. В душу Жанабека вкралось неведомое, какое-то тайное беспокойство.

Если внимательней приглядеться к его жизни, можно было понять, что с давних лет стеснительному, но самолюбивому джигиту было отчего чувствовать себя неудовлетворенным. Первым делом он открыл, что в мире нет справедливости: если некоторым без всякого труда удавалось хватать с неба журавлей и удостаиваться всяких почестей, то другие, как ни бились как рыба о лед, как ни лезли из кожи вон, все равно оставались обделенными всем. Конечно, никто не умирает в наши дни от голода и невзгод, однако Жанабек, как и другие люди, пробегал

глазами газеты, смотрел телевизор. В конце концов он принимался сравнивать известное ему с узанным по газетам и телевизору, и тогда ему начинало казаться, что жизнь, доставшаяся на их долю, на самом деле не является настоящей. Да что говорить о газетах – истинной причиной того, что в прах развеялось ценное качество молодого джигита довольствоваться тем, что у него есть, и благодарить за это небеса, стала обычная пресса.

В это время происходили важные изменения и в районном руководстве. Неожиданно взойшла звезда счастья Шардарбека, много лет возглавлявшего отделение «Акиин» – он стал секретарем партийного комитета совхоза, а на его место прибыл из соседнего колхоза некто по имени Келдибай. Вести о новом начальстве изрядно взбудоражили народ Акиина, весьма охочий до всяких новостей. Жанабек, равнодушный к начальству, поначалу не проявил никакого интереса к этим событиям. Оказывается, он напрасно так вел себя, это выяснилось, когда однажды Келдибай пригласил его к себе в кабинет. И там сказал:

– Парень, как ты смотришь на то, что мы твою жену прикрепим к почтовой службе. Сам знаешь, в наше время на одну зарплату прожить трудно, пусть вам будет материальная помощь, а так в ауле на это место претендентов много. Вода, говорят, течет в низкое место, я слышал, что ты мне родич, вроде младшего брата. Все мы из рода Бозгыл, ты сам знаешь об этом?

Внимание нового управляющего пришлось по душе Жанабеку, и он не мог скрыть это. К тому же застенчивый и замкнутый джигит не был разбалован заботой прежней администрации, он был сам по себе, и начальство обычно не замечало его.

– Работа нехитрая, лишь бы люди на фермах получали газеты и журналы, которые приходят раз в месяц, а то и в квартал, а скотникам мы сами будем отправлять попутными машинами. Ты мне принеси трудовую книжку жены, я отдам начальнику почтовой службы, чтобы поставил на учет.

Улыбающийся Жанабек, как на крыльях, примчался домой. Он рассказал матери и жене радостную новость, дескать, так-то и так: Келдекен оказался им родичем, благодаря этому Озипа теперь будет сидеть дома и ни за что получать зарплату, а газеты и журналы Жанабек сам станет доставлять людям на фермы. Это неожиданная новость взбудоражила всех родственников. Еще бы, в маленьком Акиине работу для женщин можно было по пальцам пересчитать: зав. библиотеки, учитель начальных классов, почтальон, и одну из этих должностей собиралась занять невестка Сыргалы?!

Ладно! Вот таким образом, неожиданно для себя Озипа оказалась почтальоном отделения «Акиин». На дар надо отвечать даром, на пиво – медом, Жанабек-то не зря с ранних лет уяснял законы бытия. По совету опытной матери и трудолюбивой жены он зарезал валуха и пригласил семью Келдибая в гости на ерулик. И он не ошибся: благодарным оказался не только Келдибай-ага, но и Гуляим-женгей, еще не совсем освоившаяся в новом ауле.

А самое главное, сноровистая и словоохотливая Озипа немедленно взялась укреплять завязавшиеся отношения между двумя семьями, и это у нее получалось. Если к бастыку приходили гости, она бежала к нему домой, чтобы помочь женгей. Если в ауле были какие-то новости, она бежала к Гуляим, чтобы первой сообщить ей об этом. Она не забывала подключать к полезному делу и своего мужа:

– Жанабек, ты бы проверил розетки и выключатели в доме у кайнаги...

– Жанабек, женеше говорила, что радио не работает, ты бы сходил да починил...

Не в пример некоторым женщинам, невестка Сыргалы никогда не позволяла себе повышать голос на мужа, грубо попрекать его или приказывать. Она добивалась своего окольными ласковыми речами, как бы балуя мужа, но настойчиво ставя перед ним цель, поэтому так получалось, что ее обычные поручения оказывались важнее, чем все другие заботы, в том числе просьбы других людей. После ее слов Жанабек и сам не замечал, как вскоре оказывался на улице, ходко вышагивая к дому зав. фермой в своих стоптанных туфлях.

Что ни говори, этот Жанабек все же был уже не тем Жанабеком, каким он был, например, года два назад. В его жизни появилось нечто новое, и это изменение было связано с тем, о чем мы подробно поведали ранее – в связи должностью почтальона, на которую была назначена его жена, а также с тем, что каждый месяц два или три раза в его доме появлялись пачки свежих газет и журналов. После того как почта была отправлена на разные фермы, часть ее долго валялась в углу дома старухи Сыргалы в ожидании попутной машины, чтобы быть отвезенной на дальние отгоны скотников. Поначалу Жанабек, обычно имевший достаточно времени днем, от нечего делать небрежно листал страницы газет и журналов, просматривая их. Постепенно он втянулся в это чтение, порой увлекаясь и погружаясь в него с головой. И вот, посмотрите-ка на странность, пришло время, когда он уже жить не мог без этих газет и журналов. Оказывается, все интересное в жизни можно найти именно на страницах прессы. Его пытливому уму открылись неведомые понятия, которые раньше были только на слуху, и он особенно в них не вникал, например, демократия, правовое государство, плюрализм... И эти новые слова со временем заняли в его сознании такое место, что в нем начало вызревать какое-то отстраненное отношение не только к своей жизни, но и к жизни своих земляков.

Люди есть люди, они не могут жить без тоев, взаимных угощений, и на таких собраниях народный дух заметно оживал, как бы воскресая. Детвора занимала передний двор, играя в ляngu, асыки, качаясь на качелях, в комнатах за дастарханами рассаживались взрослые, мужчины и женщины отдельно, вносили бешбармак и ставили в центр, и тут же начинался оживленный разговор о том, о сем. Темы обычных обсуждений аульчан таковы: кто кому стал сватом, какие при этом были сделаны подарки, сколько добра было дано в качестве калыма, кто сделал своему ребенку обрезание, или не сделал этого, сколько мулл участвовало в поминальной молитве по такому-то покойному – в общем обсуждали все то, что кто-то заявлял как новость. Жанабек довольно-таки прохладно относился к таким разговорам, не принимая в них участия. «Наши казахи – странный народ, смотри-ка, о чем они говорят, – думал он, хмурясь. – А ведь столько важных и сложных проблем накопилось, касающихся жизни республики, общества или даже всего мира, – почему не обсуждают их? Например, взять проблему экологии. Ведь всего в ста пятидесяти или в двухстах километрах отсюда находится Аральское море, похожее на скукоживающийся кусок кожи под солнцем, пугающее весь мир своим ежедневным усыханием. Или вот, под рукой Сырдарья, которая все более напоминает сточный канал. Весь наш народ, отвергнув такие утопические, абстрактные понятия, как коммунизм, социализм, готовится перейти на рыночную экономику. Грузия и Прибалтийские республики заняли особую позицию,

они подобны диким коням, рвущимся из недоуздрок, громко заявляют, мол, вот-вот выйдем из Союза. Почему этот народ не думает об этом вместо того, чтобы трепать аульные сплетни?..»

Находясь в общине, невозможно игнорировать ее. Еак бы ни был Жанабек недоволен низким уровнем политического сознания аульчан, все же он не мог не участвовать в общих разговорах.

Когда народ на минуту утихал, он вворачивал свое слово, стараясь повернуть обсуждение в нужное русло:

– Слышали, что Ирак захватил Кувейт?

– Котек! Что он говорит?..– Корлыгайын, одна из женгей, разливавшая чай, которая первой распространяла в ауле последние известия, испуганно восклицала: – Милок, когда это случилось?!

– Прямо на прошлой неделе, – отвечал Жанабек с видом бывалого человека, участвовавшего в оккупации Кувейта. – Саддам Хусейн собрал всю армию на границе и за один день захватил Кувейт.

– Кто этот Кусаин? Уж не сын ли Кулманбетияра, что машинистом работает в Кызылорде? – спрашивал в это время необразованный Жарылкап, один из почтенных стариков Акиина, сидевший на торе и старательно жевавший баурсак, да так, что двигался весь красный подбородок. – Что случилось с этим мальчишкой? Вроде бы он не был из таких сорвиголов?

И такой случай становился еще одним поводом для веселого смеха народа, потешающегося над наивным и глуховатым стариком, уловившим краем уха лишь часть разговора. Хорошо бы довольствоваться лишь шумным весельем, но ведь всегда найдутся любители обострения без того осложняющейся политической ситуации.

– Ата, этот парень, попав в город, совсем испортился. Когда это кызылординские хулиганы блюли меру, не портя попавшего в их руки человека? – спрашивал лукавый на язык тракторист Абдильда, еще более запутывая доверчивого старика. И эти слова он еще выкрикивал прямо в ухо Жарылкапа, словно боясь, что тот не услышит.

Бедный старик, перестав двигать подбородком, справившись, наконец, с баурсаком и отправив его куда следует, укоризненно качал головой:

– Да-а! В наше время люди будто взбесились. И это все от сытости, с жиру, конечно. Если бы они были голодными, посмотрел бы я на их выступление! Эх, милые мои, единство нужно, единство...

Еще раз шумно взмывает смех сидящих за дастарханом. Потом люди успокаиваются. Они быстро забывают про самую острую политическую тему сегодняшнего дня, поднятую Жанабеком, и расходятся по домам, все еще подшучивая над забавным характером старика Жарылгапа, перепутавшего далекую и экзотическую страну – Ирак с нашей Кызылордой, а известного на весь мир президента этой страны – с сыном некоего Кулмамбетияра, выходца из этого аула, живущего ныне в областном центре.

Когда народ вот так легковесно веселился, Жанабек сидел в своем углу, недовольный, сердито нахохленный, как воды в рот набрал. «Считая их людьми, достойными беседы, конечно, я сам дурак, – ругал себя раздраженный Жанабек, ощущающий себя бессильным в такой ситуации.– Будто в раю все разом оказались, чему они так радуются, хохочут? Если бы бедняги знали, что эти кувейтцы

не в пример им, живут не в никудышных глиняных мазанках, а в современных коттеджах, где из кранов бежит и горячая вода, и прохладная, огромные дворы затенены кипарисовыми садами, внутри их и снаружи есть бассейны. Если бы они знали, что на их столах ни зимой, ни летом не переводятся разнообразные овощи и фрукты, черная икра, что их дети учатся в просторных и прекрасных дворцах, оборудованных только американскими компьютерами. Что скажешь об их готовности, невзирая на эти обстоятельства, глупо подтрунить над кем-то? Нет и рта не раскрою, если доведется спорить с этими казахами».

Коротко говоря, благодаря его несогласию с некоторыми проявлениями консерватизма казахского общества, которое довольно долго копилось в его душе комом, молодой джигит в конце концов, как говорится, взял перо в руки. Поначалу он отправлял написанные очерки в областные, республиканские издания, однако оттуда никакого ответа не получил. Поэтому он заново переписал эти материалы, не исправляя их, и отправил в районную газету «Свет коммунизм». Однажды, пересматривая кипы полученной корреспонденции, он увидел последний номер районной газеты, в самом центре ее первой титульной страницы красовалась его статья. Статья называлась «Законы овцеводческого совхоза», автор Ж. Сибадиллаев. Как он обрадовался – словами не передать! Мало сказать – обрадовался, он подбежал к жене, которая заваривала чай в кумгане на саксаульных углях, и обнял ее. Озипа, вольно сидевшая на корточках, едва не упала на угли очага. К счастью, бог спас ее от конфуза.

– Озипаш, посмотри сюда, – ласково, словно балуя, окликнул Жанабек жену, благополучно удержавшуюся от падения. – Моя статья!..

– Неужели!.. – поначалу она хотела сердито отмахнуться от него, дескать, «ту-у, уж не черти ли гонятся за тобой?», но, уяснив сказанное, поневоле просияла глазами. Не зная, верить или не верить услышанному, она несколько манерно кончиками пальцев взяла газету. – Ты правду говоришь?

– Или ты думаешь, что дурачу тебя, чтобы что-нибудь получить? Лучше прочитай сама! – не выдержал, изнывая от нетерпения Жанабек.

Озипа быстро пробежала глазами небольшой, размером с коровий язык репортаж, но вовсе не обрадовалась, как ожидал муж, а замолчала в раздумье.

И сердце Жанабека в недобром предчувствии дрогнуло.

– Что, не понравилось?

– Не-ет... – жена поднялась с места, подошла к нему и взяла его за руку. – Поздравляю.

– Рахмет, – сказал Жанабек уже без прежней радости, тем не менее выражая благодарность богом данной супруге. – Ну, как, это самое... – спросил недоверчивым голосом он, все еще смущаясь.

– Хорошо, если не считать того, что плохо отозвался о девере – Тлепбае, – сказала Озипа, улыбаясь.

– А, вот оно что, а я теряюсь в догадках, мол, что это она изменилась в лице, – Жанабек обрадовался. Только теперь он понял, чем было вызвано замешательство жены. – Странная ты, Озипаш! И что теперь, я не должен писать правду?

Озипа, по-прежнему улыбаясь, протянула невнятно:

– Тебе ли... – она дернула плечом и повернулась к очагу, чтобы заняться своими делами.

Разве залежится в народе горячая новость? Что и говорить, весть такого рода: «Ойбай, сын Сибадуллы в газете написал плохо про Тлепбая, якобы не строит как следует совхозные загоны и кошары. Поэтому состояние общественного скота неважное», – мигом облетела по беспроводному телефону все дома Акиина. Хорошо или плохо строил Тлепбай кошары – это одно дело, другое – все же был он в Акиине одним из авторитетных людей, поэтому если ровесники и младшие обращались к нему уважительно «Таке», то снохи и невестки почитали его словами «Би кайнага» или «Бригадир кайнага». Поэтому простой народ не мог понять, как это угораздило желторотого птенца на такое – продернуть в газете на весь мир человека, с которым делил один хлеб и одну воду в Акиине... Будто не нашлось другой темы. И это всем показалось неуместным.

Женщины недоуменно щипали себе щеки, спрашивая его:

– Милок, что с тобой, неужто не нашлось ничего другого, о чем можно было писать?

Мужики же, не зная, что говорить, просто чесали себе затылки.

Как бы то ни было, Жанабек ни перед кем не тушевался. Все эти сплетни и пересуды аульчан в свой адрес он воспринял как пережитки прошлого. «В конце концов рано или поздно должны же прийти и в эти края критика и самокритика, демократия, плюрализм мнений. Если это так, то мы должны шаг за шагом приближать время справедливости. А что плохого, если в первых рядах защитников правового государства, идущих на марше демократии, будет шагать Сибадиллаев Жанабек?» – решил он для себя. С этого дня он стал замечать за собой какие-то новые качества, которых раньше не было. Теперь он завел привычку, вышагивая по единственной улице Акиина, с важным видом кивать головой встречному человеку, ступать твердо, со степенной неторопливостью.

Женщины небольшого аула не пропустили мимо внимания изменения в его характере. Собираясь у родника с коромыслами на плечах, или выгоняя на луг верблюжат и телят, или наведываясь к соседке то за спичками, то за керосином, они перебрасывались такими фразами:

– Мать, как ты думаешь, этот парень не возгордится своим занятием? Раньше он был как шелковый, а сейчас как-то непонятно меняется с каждым днем.

– Чтоб ему пусто было! Говорят, курдюк украшает только овцу, благодаря слезливой старухе-матери и Озипе накопил кое-что, и теперь чванство так и прет из бедняги. А что еще?..

– Да-а, и я о том же говорю. Откуда лишней копейке прилипнуть к его рукам, мотается себе к движку туда и обратно, дубина стоеросовая, работа – раз плюнуть, а больше и заняться нечем, – так судачили бабы.

И не только женщины, но и остальной народ мало-помалу завел привычку осторожно здороваться с Жанабеком. В ауле было несколько ровесников Жанабека, они стали сторониться его, избегая встреч. «Одни только подхалимы! Все боятся Тлепбая, а я не оробел перед ним!..» – думал про товарищей Жанабек. Тем не менее народ есть народ, не бывает, чтобы все вели себя одинаково. Нашлись и такие, кто выказал сочувствие Жанабеку, правда, их было совсем немного. Среди них был тракторист Алданыш, особенно не скрывавший, что поддерживает его. Как-то они разговорились наедине.

– Эй, Жанабек, тебе спасибо – ты задал Тлепбаю трепку! – с этими словами он взял руку Жанабека и крепко пожал ее.

Кисть его, закаленная работой с металлом, обладала просто железной хваткой, и от ее пожатия нежные пальцы молодого джигита ощутимо затрепщали. Как ни крепился Жанабек, из его уст все-таки вырвались болезненные звуки.

Тракторист, догадавшись, что перегнул палку, и пытаясь исправить свою оплошность, сказал:

– Прости, дорогой, вижу, слишком сильно сжал твою руку. А теперь скажу от души: твоя статья – во! Ты должен знать, что начальников иногда надо вот так пригибать к земле. Иначе они забудут про бога на небе и человека на земле.

Алданыш был один из немногих людей в этом ауле, кто довольно-таки часто схватывался с начальством. В прежние годы он как-то пристрастился к спиртному зелью, по вине этого порока в глазах влиятельных людей Акиина не раз оказывался козлом отпущения. Поэтому не было никакой тайны в том, что он вдруг заплыл такой приятнью к джигиту-корреспонденту.

Да, можно считать, что Алданыш со временем стал в Акиине самым горячим сторонником Жанабека, сочувствующим его творчеству. Стоило только мелькнуть в газете мало-мальскому материалу Жанабека, как уже поспевало его читательское мнение. При встрече он говорил:

– Парень, как на духу говорю, прочитал: статья твоя во! – он одобрительно оттопыривал большой палец правой руки, и весело ухмылялся, скаля крепкие, пожелтевшие от табака, зубы.

А иногда, спросив:

– Ну как, товарищ журналист, как твое перо, в порядке ли здоровье? – подбадривал тем самым Жанабека, придавая ему вес в собственных глазах.

Надо признаться, мотористу-джигиту, закончившему восемь классов в интернате в центральной усадьбе совхоза, а девятый класс – только наполовину, со временем стало как-то по-особенному волнительно слышать от Алданыша именно эти слова – «товарищ журналист». Более того, ему стало уже невтерпеж услышать их.

Не зря говорят: приохотившийся корсак роет нору ушами – статьи Жанабека стали появляться все чаще и чаще. Он уже не тратил, как раньше, время на областные и республиканские газеты, а прямо направлял свои статьи в районную прессу. Не все его материалы выходили в свет, но наиболее удачные печатались на страницах все того же «Света коммунизма».

Шло время. А однажды пришло письмо из газеты, а точнее – от редактора издания: «Уважаемый товарищ Сибадиллаев! Так-то так... в такой-то день приглашаем вас на районный слет корреспондентов. Очень просим вас принять обязательное участие».

Вот так! В этот день у Жанабека от волнения пропал аппетит. Так он волновался, наверное, только в день бракосочетания с Озипой. Он заставил жену вытащить из сундука новый костюм, белую-пребелую китайскую рубашку, купленную старшей сестрой в Кызылординском универмаге, и тщательно выгладить все это. Надел на ноги черные туфли. Стоя перед зеркалом, привел в порядок, причесал свои кудлатые, похожие на осеннюю овечью шерсть, волосы. И затем отправился в районный центр – Казалы.

* * *

Единственный сын Сибайдиллы вернулся с районного слета с широкой радостной улыбкой. Судя по его собственным словам, редактор, не жалея слов, хвалил его статьи, ставил его в пример перед всеми корреспондентами района. «Так-то и так-то... если Сибадиллаев пишет, то только правду, не смотрит ни на кого, ни на должность, ни на положение в обществе. Все им написанное – критические статьи. И это материалы действительно соответствуют духу перестройки, эпохи гласности. Ну а вы, простите меня, в большинстве своем не можете вырваться из пыли и грязи эпохи застоя. То, что написано вами, – это в основном пышные дифирамбы: при этом то, чего на самом деле нет, вы представляете, будто оно есть, клячу выставляете скакуном, черную ворону – соколом. А критику не присылаете, если только осмеливаетесь, то стегаете для виду, слегка, словно корову погоняя сзади. Ну, а товарищ Сибадиллаев...».

Все, что произошло в районном центре, Жанабек обстоятельно сообщил своей жене, Озипе, единственному другу, поведал все подробности, ничего не утаил. Когда он дошел до этого самого места, – о, боже, кто ожидал такое, подбрасывает же жизнь сюрпризы, – надо же такому случиться, что жена ни с того, ни с сего разбушевалась.

– А что сделается этому редактору в районном центре? А вот мы сделались разнесчастными – притчей во языцех для всех в ауле. Чем критиковать чуть ли не каждого в ауле, щелкая по носу, пока не закончится пыл, не лучше ли было похвалить кого-нибудь? И что это ты затараторил, мол, редактор, редактор...

Распираемый энтузиазмом, от эйфории чувствовавший себя стесненным в стенах собственного дома, Жанабек оцепенел от неожиданности. Поначалу у него появилось желание по-мужски призвать к ответу жену, в пух и прах разнесшую как по маслу катившуюся домашнюю конференцию, но, обдумав хорошенько, к чему это может привести, он отказался от этой мысли. Если подумать, в словах Озипы была доля правды. Сначала он подверг критике Тлепбая, дескать, плохо строил загоны фермы, затем напал на сына Караменды, Каскырбая, мол, больше уделяет внимания собственному огороду, нежели государственной бахче, а в недавней статье обличил Кунимай, с которой с малых лет рос вместе, якобы, не открывает вовремя библиотеку...

Жанабеку вдруг стало не по себе. Ладно, пусть Тлепбай и Каскырбай обижаются сами на себя, есть у них грешки, ну а вроде бы невиновная Кунимай – при чем здесь она? Действительно, не вовремя открывает библиотеку. Но кроме Жанабека Сибадилла-улы, кто в этом ауле регулярно посещает это почетное заведение? Много ли таких? Получается, что Кунимай, бросив все свои дела, с утра до вечера должна сидеть в библиотеке в ожидании одного только Жанабека?

«И правда, почему это я всех критикую?»

Он сидел в таком раздумье, и вдруг, будто кто-то застал его за постыдным воровством, смущенно покраснел. Да, скрывать не стоит, Жанабек одно время был влюблен в Кунимай. Однако она мягко дала знать, что у них ничего не выйдет и все обратила в шутку. Ойпырмай, неужели он до сих пор не забыл этого отказа? И в самом деле, его все время подмывало покритиковать работу библиотеки, значит, все из-за этой обиды? Получается, он переступил черту... действительно... какое-то неловкое дело. На этом собрании редактор торжественно вручил двум или трем кандидатам удостоверение внештатного корреспондента газеты «Свет

коммунизма». Первым получил его Жанабек. «Чем зря тратить время на разговоры, лучше бы показал удостоверение Озипаш, – подумал джигит, вспомнив про документ. – Я тоже еще тем фруктом оказался, ведь человек должен начинать разговор с главной новости? Как бы то ни было, упрек жены кажется весьма уместным. Быть может, попробую теперь кого-нибудь похвалить... Кто знает ее, эту перестройку, и с чем ее едят, все же не означает это, что надо критиковать всех подряд от мала до велика».

Внештатный корреспондент газеты «Свет коммунизма» в свободное от работы время ломал голову над проблемой, кого можно похвалить. Хотел похвалить Келдибая, но это показалось зазорным, люди могут подумать, что он подхалимничает перед начальником. Им ничего не стоит поднять шум, что он делает это из родственных чувств. Он хотел сделать своим положительным героем Алданыша, действительно, есть ли кто-нибудь ближе его во всем ауле, – однако его герой имел один недостаток, хотя и изредка, пусть в гостях, но прикладывался к спиртному зелью. В конце концов Жанабек остановился на некоем Сырлыбае, кротком чабане, который выпасал овец и коз в дальних песках, коротая время в одиночестве. Вскоре на страницах «Света коммунизма» был напечатан пространный очерк под названием «Заполнивший Каракумы овцами». Жители Акиина, довольно-таки прохладные к другим изданиям, но не пропускавшие ни один номер районной газеты, были поражены этой статьей. Они сказали о внештатном корреспонденте вот что: «Апырай, этому сыну Сибадиллы бог что-нибудь да даст. Ойбай, кажется, его намерения обратились к лучшему». Даже Озипа, нехотя пробежавшая глазами его публикации в газете, эту статью прочла с большим интересом.

– Дорогой, ты же сам знаешь, красная телка в этом году осталась яловой. Как ты думаешь, чем тратить на нее всю зиму сено, уж не присоединить ли ее к стаду Сырлыбай-ата. Бесплатное совхозное сено, ничего с ними не случится, – сказала она спустя неделю после прочтения той статьи.

– Посмотрим... – довольно-таки прохладно сказал Жанабек. – Если не будет стыдно.

– Что тут стыдного? Это только ты стесняешься и робеешь.

В конце концов, не в состоянии пренебречь словами жены, передав Сырлыбай-ата салею через знакомых, отдал им красную телку, которую они отогнали в пески. Говорят, герой очерка «Заполнивший Каракумы овцами» принял ее без единого слова. А когда они возвращались, Сырлыбай-ата передал через них пять мешков комбикорма: «Отвезете, дескать, моей старой знакомой Сыргалы, нынче зима суровая, пусть подкормит телят и верблюжат». И это в мужской судьбе Жанабека стало первой его левой добычей.

Конечно, внештатный корреспондент понял, что такие очерки приносят гораздо больше пользы, нежели обличительные статьи, они хорошо сказываются на состоянии его души и скота. Однако, видимо, по воле бога мешало одно: когда он садился за хвалебную статью, дело шло с трудом, а то и вовсе стопорилось. Или от природы он обладал натурой критика, или дело было в том, что, хотя они с матерью и сестрами не испытали никакой несправедливости со стороны состоятельных людей, тем не менее часто западали в душу обидные слова, копящиеся на сердце, и вырос он все-таки злопамятным человеком. Говоря языком Алданыша, его все время подмывало взвесить на весах суда людей, особенно тех, чье состояние поднялось как на дрожжах. По мысли джигита-корреспондента,

одним из таких, чересчур забуревших, был продавец Нуркожа, и на то у него были кое-какие основания.

Нуркожа – коренастый, среднего возраста полный мужчина с черными, словно намасленными, гладкими усами, переехал сюда из районного центра полгода назад. По взгляду его узких карих глаз, взирающих из-под хмурых бровей холодно, как бы отталкивая, нетрудно было понять, что это человек, прежде всего, дела. Он был немногословен, склонен больше слушать, не любил пустых разговоров и легкомысленных шуток, и этими чертами характера держал в стороне от себя коренных, давних жителей Акиина.

Они слышали о том, что у продавца есть семья, дети, но, как оказалось, взрослые сыновья жили в районном центре, каждый из них занимался там своим частным делом, он их с собой не взял, а приехал в аул вдвоем с женой. В свое время неожиданное появление Нуркожи долго служило предметом пересудов местных женщин.

– О, боже!.. Детей всех оставил в городе в своем доме. Чтоб ему пусто было, как теперь без детей они собираются вдвоем сидеть в одиночку здесь?

– Наверное, будут забавляться друг дружкой. Смотрите-ка, она не такая аульская неряха-баба, как мы, пусть и в летах уже, но гладкая, ухоженная, пылинке не даст сесть на себя.

– А рот весь в золоте. И рот этот, подружка, потянет на стоимость пяти-шести наших коров.

– Черт бы его побрал, прежнего нашего Айтуара, бродягу, все же был по нраву нам. А этот продавец смотрит на человека исподлобья, так и сверлит, так и ест глазами.

– Говорят, что здесь у него нет никаких друзей, близких. Похоже, его пригласил сюда Келдибай, то ли они сваты, то ли свояки, короче говоря, чем-то давно связаны.

Вот такие новые сведения прилетели, прибудились вместе с кочевкой Нуркожи в этот аул. Как бы то ни было, мужчина есть мужчина. Жанабек, краем уха слышавший эти сплетни, особого значения им не придавал. Кроме того, поскольку он, как некоторые, интереса к спиртному не имел, в магазине появлялся редко. Быть может, раз в месяц. А что ему там делать, если все, даже «Беломор», покупала сама Озипа.

Как-то однажды Озипа вернулась из магазина опечаленная. Говоря вполголоса, она долго что-то объясняла свекрови. Прислушавшись, он понял, что предмет разговора не на шутку затрагивает их самолюбие. Оказывается, в магазин поступили дефицитные конфеты. А когда Озипа хотела купить их, ей сказали, что конфеты закончились. Закончились так закончились, – Озипа вышла на улицу и пошла по своим делам. А когда через несколько часов ей опять зачем-то понадобилось зайти в магазин, она увидела, что продавец спешно набивает этими конфетами сумки женгей из дома Келдибая и молоденькой невестки Глепбая.

Услышав про это, Жанабек сильно разозлился, но внешне ничем не выдал себя. Озипаш любила пить чай вприкуску с конфетами. И дело было даже не в этом, трудно было перенести то, что Нуркожа, ни во что не ставя их, пренебрежительно отнесся к ним. Сильнее всего задевало душу именно это. Жанабек и раньше слышал, что Нуркожа грубо нарушает правила торговли, а теперь, после этого

случая, у него никаких сомнений не осталось. Он весь кипел негодованием, мол: «Ну, погоди, усатый!» Вот так явился в свет фельетон в свежем номере газеты «Свет коммунизма», посвященный продавцу магазина в Акиине.

* * *

– Жанабек! Жанабек! – отчаянный крик Озипы опрокинул безмолвие дремлющих берегов Сырдарьи и раскатился эхом. Как бы то ни было, высокие и молчаливые заросли жынгыла и камыша, вперемешку с кустами тугая, дремучей чащей заполнявшие лощины и низины вдоль берега, ничем не выдавая тайны, стояли отчужденно, враждебной стеной.

– Жа-на-бек!

Жанабек, связанный по рукам и ногам, все так же неподвижно лежал на берегу Сырдарьи на зыбкой тине. Сейчас он ясно услышал жалобный голос жены. Однако отчего-то упрямо сжал губы, не издав ни звука. В душе он кипел от злости: «Глупая, ты же показала врагу, где можно меня найти, теперь побегай в поисках меня». Подступали сумерки, влажная глина начала уже остывать, по голому телу, обдаваемому дыханием зыбкой тины, пробегала дрожь озноба. В который раз за день попытался высвободиться, рванулся раз, другой, но мокрая разбухшая веревка резала красно-воспаленную кожу, впиваясь глубже и причиняя острую боль.

В поисках Жанабека, бегая туда и сюда, Озипа оказалась метрах в двухстах от него на берегу. Окрестности опять поникли в прежней тяжелой безразличной дреме, обвиснув тенями. Женщина поднялась на обрыв и оттуда, тяжело дыша, задыхаясь, окинула испуганным взглядом серо-туманную гладь Сырдарьи. Снизу доносились стрекочущие трели лягушек. Медленно взмахивая крыльями, прямо над головой пролетела какая-то птица. «Бисмилла-бисмилла, это же сыч!» – прошептала без того дрожащая от страха женщина. И затем, не в силах справиться с женской слабостью, дала волю рыданиям, которые уже давно душили грудь, вырываясь наружу.

– Жанабе-ек! Жанабе-е-ек!..

Дальше добродушный, отзывчивый джигит уже не мог выдерживать. К тому же не имело никакого смысла играть в прятки дальше.

– Что-о? – протянул он из камышей хриплым голосом.

– О, Алла, Алла! О, боже, все-таки жив!.. – вздрогнула Озипа, услышав голос мужа, прозвучавший неожиданно и глухо, будто из-под земли. – Жанабекжан-ай, сейчас, сейчас!..

Путаясь в подоле своего платья, спотыкаясь, тем не менее женщина проворно добежала до места, где лежал муж, и, увидев его связанного, запричитала:

–И-и-и! И-и-и!.. О, боже, неужели тебя связали и бросили? Чтобы хребет им разорвало, связали тебя, как синичку, и бросили!..

Готовый лопнуть от злости Жанабек буркнул:

– Хватит причитать!.. Лучше развяжи этот аркан.

– Сейчас, сейчас!..

Женщина дрожащими пальцами принялась искать узел веревки, которая скользким змеем плотно опутала мужа. Наконец, нашла. Но сколько ни пыталась, узел, испачканный в мокрой глине, разбухший и ставший как камень, не поддавался.

– Ножа нет? – спросил Жанабек.

– Нет.

– Ну, тогда попробуй зубами.

– Ойбай, как это я сама не догадалась? Сейчас, сейчас... – отозвалась Озипа дрожащим голосом.

Женщина склонилась над мужем и вцепилась в узел крепкими, белыми зубами, ровными, словно жемчужины, а одной рукой изо всех сил потянула другой конец веревки, и аркан начал поддаваться.

– Все, – сказала, наконец, Озипа. – Теперь вставай.

Шатаясь, Жанабек с трудом поднялся. Жена, раскрывая объятия, тотчас попыталась помочь ему.

– Не приближайся ко мне!.. – Жанабек со злостью отбросил ее руку, сказав дрожащим голосом: – Сейчас поубиваю вас всех! – И с этими словами размашистым шагом направился напрямик в сторону Акиина.

Поначалу Озипа застыла на месте, не зная, что ей делать. Затем трусцой побежала за быстро удаляющимся мужем, в сумерках ее тень моталась туда и сюда, то показываясь, то исчезая. Разве пеший отстанет от пешего? Пройдя лощину, устьем выходящую к реке, она догнала мужа при подъеме на откос. Однако вплотную приближаться к нему не решилась.

– Ради бога, прости меня. Откуда мне было знать про намерения этих мерзавцев. Они говорили, что у них есть срочное дело, и я, глупая, отправила к тебе... – говорила она издали жалобным голосом. – Вечером отправилась за водой к роднику, а они там матасекл свой моют. Этот чертов сын продавца сказал мне: «Иди и освободи своего мужа. Мы оставили его связанным на берегу Дарьи. Теперь второй раз пусть не показывается в редакции, иначе обломаем ему ноги». Сам пьяный, от него так и несет водкой.

Жанабек резко повернулся к ней. Глаза, горящие злостью и уязвленным самолюбием, так и полыхнули огнем:

– Эй, прекратишь ты или нет!

Озипа, не зная, что делать, с беспомощным видом замерла на месте. После этого она до самого аула молча тащилась за мужем, не решаясь ни отстать от него, ни догнать и идти рядом.

Через час они, все так же в отдалении друг от друга, достигли аула. Было уже вечернее время, люди готовились к отдыху, на улице не было никого, кругом царил безлюдная тишина. Поскольку единственный моторист полдня пролежал на берегу Сырдарьи связанным, не было и электричества в ауле, в окнах едва теплился свет керосиновых ламп.

Жанабек замедлил шаг уже на окраине села, чтобы сократилось расстояние между ним и женой. Подойдя к своему дому в центре аула, Жанабек остановился. Он подождал ее и, когда она поравнялась с ним, первой пропустил в калитку.

– Зажги лампу! – сказал он властным голосом, глядя на темные окна словно насупленного своего дома. (Мать два дня назад, взяв с собой внука, отправилась погостить к дочерям в райцентр.)

Сноровисто бегая, Озипа зажгла лампу. С той же хлопотливостью разожгла угли в самоваре. С той же проворностью налила воду в раковину во дворе. Жанабек же взял одну из ламп, подошел к добротному сараю во дворе, построенному в виде двухкомнатного дома, открыл засов двери и вошел внутрь.

Он прошел во внутреннюю комнату. Здесь хранились вещи, предназначенные только для мужских надобностей. Поэтому Жанабек, помня, где должна лежать каждая вещь, легко нашел то, что искал. «Сейчас я их убью!» – подумал он, проверяя затвор охотничьего ружья. Потом вытащил из брезентового мешка патронташ, взял один патрон и вставил в зарядное устройство, следующий патрон положил в карман, и с видом человека, окончательно принявшего решение, вышел с ружьем во двор. Было удивительным то, что у него ни разу не дрогнула рука: ни когда снимал ружье с гвоздя, ни когда заряжал его. В состоянии странного спокойствия он не почувствовал ни волнения, ни признаков нервной лихорадки.

Носясь туда и сюда, заваривая чай, Озипа отвлеклась немного, погрузившись в свои переживания, но тем не менее краем глаз продолжала бдительно следить за каждым движением мужа. Увидев в его руках ружье, она сильно перепугалась.

– Ойбай, брось эту штуку, пропадем же мы все! – вся бледная, как мел, вскричала она.

– Закрой рот, иначе прямо здесь же застрелю тебя! – сказал Жанабек, проходя мимо нее. С этими словами он захлопнул калитку за собой и быстро направился на другой конец улицы.

– Жанабек! – вырвался у женщины не то всхлип, не то стон. Звук вышел у нее какой-то дикий, сдавленно-сиплый.

Жанабек, ясно расслышавший зов, даже не обернулся в ее сторону.

– Ойбай, это же ужас, ужас!.. – бормотала женщина, дрожа всем телом, едва владея собой. – И свекрови нет, что мне теперь делать?

Не прошло и пяти или шести минут, как Жанабек скорым шагом добрался до двора продавца на окраине аула. Во дворе высокого, с шиферной крышей дома, будто свысока смотрящего на окружающий мир, стоял все тот же мотоцикл «Урал» на подножке. Рядом с сараем громоздилась куча пустых ящиков из-под водки. В другом углу двора высилась груда разномастных железных бочек непонятного предназначения. Один бог знает, что было в них раньше. И здесь тоже господствовала непроницаемая тишина. Только свет, лившийся из окон, казался ощутимо более сильным, чем в других домах. «Собаки, кажется, для себя пользуются более качественным керосином!..» – ругнулся про себя молодой джигит.

Замедлив шаг, ловя звуки во дворе, постоял еще немного. Не как прежде, сердце, срываясь с ровного стука, забилось сильнее. Глаза затянуло дымкой, все вокруг почернело, погрузившись во тьму. «Ничего, сейчас все пройдет. От усталости все, да, от усталости...» – подумал джигит, призывая себя к терпению.

Минуту погодя, крадучись подошел к окну. Еще немного подождал. Потом с видом человека, принявшего окончательное решение, забарабанил кулаком по оконной раме. Через открытую форточку донесся испуганный женский вскрик. «Котек, кто это?» – занавеска отодвинулась, и в окне замаячил знакомый силуэт жены продавца.

– Позови Токтара!.. – потребовал Жанабек, глядя на нее.

– Зачем он тебе, милоч? Если у тебя есть дело, не лучше ли зайти домой поговорить.

– Нет времени заходить домой. Позови его, пусть выйдет на крыльцо! – Жанабек сказал это и, давая знать, что на этом разговор закончен, отошел назад на несколько шагов и затаился в тени ящиков.

Все видел он: за оконной занавеской перемещались силуэты двух или трех человек, которые сновали по комнате, потом замерли, а затем и вовсе скрылись из виду. Со скрипом открылась дверь коридора. Послышались звуки осторожных шагов.

Жанабек, затаив дыхание, застыл на месте, прижав к боку приклад ружья. Неожиданно со стуком открылась внешняя дверь дома, на крыльцо вышел кто-то долговязый, крупный.

– Кто это? – громко спросил он.

Это был Токтар, сын продавца. Не успел Жанабек ответить, как из-за спины Токтара вышел недавний дюжий крепыш, по пути он задел то ли ведро, то ли тазик, – посудина ответила жестяным громом и покатила по полу. Джигит-корреспондент узнал его по голосу.

– Эй, кто это? – как ни в чем не бывало, спросил он наглым голосом.

Этих двоих, судя по их виду, ничего не смущало, даже если бы нагрязнили полчища врагов, они все равно вели бы себя развязно. Жанабека донельзя возмутила их беззаботность.

– Молитесь! Выходите вперед! Сейчас застрелю! – крикнул он из своего угла.

Дрожащими пальцами стал искать спусковой крючок. Прорезая ночную тьму, грохнул выстрел. Однако заряд ушел гораздо выше цели, куда он метился. Не-ет, не так! Жанабек точно целился в темную фигуру, но когда он нажимал на спусковой крючок, кто-то кинулся сзади и успел ударить по прикладу ружья. Это был Алданыш, прибежавший на зов Озипы... Кроме того, Озипа, бегая туда и сюда, успела поднять на ноги еще несколько человек.

Как страшен выстрел ружья в глухой ночи аула! В мгновение ока двор продавца наполнился криком и шумом.

– Ойбай! Ойбай!..

– Астапыралла! Кто это, дьявол или пери? Боже, кто это?

– Ойбай, ойбай, убил же, держите его!.. – мужские и женские голоса путались, сталкивались в этой сумятице, заполнившей двор.

– Живой он?

– Живой!

Поначалу Жанабек, оглушенный, оказавшийся в ступоре, не мог понять, откуда взялось столько людей, заполнивших двор. Алданыш, Токтар, черный крепыш, жена продавца, сам продавец, еще трое или четверо мужчин и женщин... все они рядом, Озипа держит его за руку, вся растрепанная, простоволосая.

– Пойдем домой! Жанабек, пойдем! Умоляю, дорогой мой, идем! – просит она.

– Эх, чтоб тебя!.. Да тебя!.. Эй, да этому подонку мало было другого, так взялся крушить мою семью. Черт бы тебя побрал, сгною тебя в тюрьме! Вот увидишь, как я слово держу! – орал и матерился Нургожа, обычно надменно-немногословный, сдержанный.

Жанабек не отдавал себе отчета в том, что происходило вокруг него. Только через некоторое время осознал, что Озипа и Алданыш, держа его за локти, ведут домой. Жену то и дело начинала колотить дрожь, и она ударялась в плач. А Алданыш-ага звенящим голосом произносил нравоучения.

– Эй, Жанабекжан, пожалуй, на этот раз ты был неправ! Одно дело, если бы на твоём месте был я, один из невежественных, темных казахов. А ты ведь

образованный, понимающий джигит с ясным умом, подвешенным языком. Бог свидетель, говоря по правде – в этом ауле не найдется ни одного человека, кто мог бы обогнать тебя по знаниям. Однако, парень, держи ухо востро, этот продавец – не промах, спуску не даст. С такими людьми так шутить нельзя, дорогой.

Все что говорил Алданыш, было правильно, кроме того, что эти речи прозвучали немного запоздало. Это понимал и Жанабек, понемногу приходивший в себя. Сейчас он думал только об одном – скорее бы добраться до дома, упасть на кровать и забыть обо всем. На иное у него сил не было.

* * *

Алданыш на этот раз не ошибся: продавец, действительно, оказался непростым противником. На следующий день вечером аул облетела недобрая весть: «Ойбай, милисия увезла сына Сибадиллы в район». Для акиинцев, долгое время лишенных интересных новостей, это происшествие стало манной небесной – и эта горячая тема, словно искра в сухой и ветреный день, подняла пожар народных толков и пересудов.

– Этот продавец оказался подлым! Как это он успел накатать заявление, хотя бы подождал два или три дня, – удивлялись некоторые.

– Ойбай, чему вы так удивляетесь! Ведь у состоятельного и рука длинная, у этого усатого, видать, корни глубокие и длинные, – отвечали им другие, приводя неоспоримые доказательства своей правоты.

– Ойпырмай, как бы то ни было, действует он, как хищник. Неужели нельзя было перекинуться парой слов с аксакалами этого аула?

– Ой, странные же вы, кто в наше время советуется с аксакалами? А парень наш тоже хорош, видать, зазнался не на шутку, – иначе с чего бы ему с ружьем наперевес кидаться на человека? Хвала предкам Алданыша, если бы не он, дело закончилось гибелью человека. Или вы хотите сказать, что сын Сибадиллы оказался бы прав в таком случае?

– Да, действительно. Все-таки аруахи не отвернулись от них, если бы погиб человек, несчастными оказались бы обе стороны.

– Да, времена испортились. В наше время дети не успеют родиться от матери, а уже все, как один, нервные. Иначе с чего бы...

Конечно, нет никакой возможности охватить все различные мнения и умозаключения акиинцев. Одно было ясно – эта тема с течением времени будет развиваться и обрастать различными деталями, и подобные разговоры, неожиданно задевшие народ за живое, если не обострятся, то, по крайней мере, несколько не увянут.

На следующий день после того, как милиция забрала сына, старуха Сыргалы вернулась домой. Услышав недобрую весть, она упала в обморок. Соседи и невестка, брызгая воду на ее лицо, через полчаса еле-еле привели ее в чувство. На Озипе лица нет, моргая влажными глазами, она то и дело заливалась слезами.

Муж старухи Сыргалы покойный Сибадилла не был богат на родичей. Из близких родственников жил в Акиине племянник Сибадиллы Ибадилла, издавна работавший в этом отделении счетоводом и вышедший лет десять назад на пенсию. Вечером пришел он. Когда бедная Сыргалы увидела родственника, давно не показывавшегося в ее доме после смерти мужа, она не могла удержаться от слез, долго жаловалась ему на свое горе.

Ибадилла был человеком, крепко стоявшим на ногах. С молодости состоятельный, он с умом и толком пристроил своих детей, которые работали в областном и районном центре на ответственных должностях. Наверное, поэтому счетовод фермы слыл уважаемым человеком у друзей и родичей.

– Да, слышал об этом деле, обстоятельства очень трудны, – выслушав печальный рассказ женгей и подождав, пока она немного успокоится, сказал Ибадилла. – А теперь тебе вот что нужно сделать: возьми с собой невестку, поезжай в район Там, в центре, есть же Жанаим, говорю о твоей старшей дочери. С зятем вместе идите на прием к начальнику милиции. Послушаем, что он скажет. А потом все вместе и посоветуемся. Пока не забыл, хочу сказать: если есть накопленная, припрятанная кое-какая копейка, – все собирай, готовь. Все это еще пригодится.

– О чем ты говоришь, Мырзабала? Все готова отдать за моего единственного, все пожертвую! – уже не как раньше, воспрянувшая духом Сыргалы, видя перед собой деверя, начала приходить в себя. – Что мне от тебя скрывать, в этом доме есть тысяча рублей. Если не хватит, можешь брать из сарая скот и продавать один за другим. Никто тебе ничего не скажет.

* * *

Обе дочери Сыргалы и зятя были неимущими людьми, рабочими, полностью зависящими от одной зарплаты. Поэтому старуха, дабы не устраивать лишнего шума, не стала ничего сообщать дочери в совхозе, а, взяв с собой невестку и внука, отправилась спозаранку в районный центр. Хорошо, что встретила попутная машина – легковушка, и им удалось еще до обеда добраться до города. Повезло им и в городе: дочь Жанаим и зять Кабылан, работавший строителем, оказались дома, они пили чай. Увидев, в каком взволнованном состоянии приехали аульные родственники, они, конечно, напугались. У старших сестр особо тесные отношения с братьями: бедная Жанаим, узнав о положении Жанабека, разрыдалась.

– Ойбай, ойбай!.. Пропади пропадом чай, все вместе поедem в милицию, будем там сидеть, – сказала она, придя в себя.

Кабылан по-мужски призвав женщин к спокойствию, стал их успокаивать.

– Жанаим, женские слезы не к добру, поэтому перестань плакать, – сказал он жене. – От того, что все мы шумим в переполохе, никакой пользы нет. Только тратим силы на суматоху. Ты оставайся дома, в милицию пойдem мы трое, я, апа и Озипа.

Все согласились с этим. В милицию отправились втроем. Пришлось ждать приема два или три часа, и когда дошли до изнеможения, их позвали в кабинет. Однако всех троих к начальнику не пустили.

– Хватит и одного человека, – сказал сержант, глядя на них недовольно.

– Ойбай, милок, в таком случае я зайду, – сказала, всполошившись, Сыргалы. Крайне утомленная, раздраженная какой-то мыслью, она сидела на одном из стульев в приемной.

Начальник, коренастый, плотный, словно из чугуна отлитый, лысоватый мужчина лет сорока, не перебивая, внимательно выслушал старуху.

– Вот так мой светик, не выдержав унижения, выстрелил из ружья, а так он и муху не обидит зря, такой мальчик он. Тихий, кроткий. Отец его, покойник, тоже такой человек был. Про таких говорят: у овцы и соломинку изо рта не выдернет, – этими словами Сыргалы закончила свой рассказ.

– Эх, апа... – Начальник, безмолвно слушавший старуху, озабоченно покачал головой. – А теперь сами подумайте: как бы то ни было, ваш сын выстрелил в кого-то из ружья? Выстрелил. В гневе выстрелил или доведенный до отчаяния – это выяснится на судебном процессе. А вы хотите полностью обелить сына. Закон не на вашей стороне. Закон признает только факты.

– Ойбу-у, милоч, ведь факт, который предъявляет продавец, выходит вовсе неправильный, – засуетилась, занервничала бедная старуха. – Два здоровенных парня связывают арканом моего сына, бросают в безлюдном месте и уходят. Из-за этого же Жанабекжан схватился за ружье. Иначе зачем мне, старухе, дожившей до возраста пророка, заниматься враньем? И мышки не обидит он. Нынче ему двадцать три года, до этого возраста он не только не пытался убить кого-то, но даже и голос повысить не смел. И отец, покойник, таким же был, бедняга.

Но работник органов все равно не смягчился. Напротив, он еще сильнее нахмурился, приняв холодный вид.

– Нет, апа, мы закон нарушить не можем, – сказал он голосом человека, принявшего окончательное решение. – В народе не только из-за выстрелов, а просто из-за того что подняли на кого-то руку, получают срок и уходят на столько-то лет. Пусть это горькая правда, но скажу открыто, мы вашего сына защитить не сможем.

Сердце старухи сжало тисками, по телу пробежала дрожь. И слезы потекли по складкам старого лица, заполняя бесчисленные морщинки.

– Е-е, милоч!.. Скажи лучше, что выкопал мне могилу. Не как у других людей, это же мой единственный, посланный мне богом, душа моя. Что мне теперь делать!? Что?!

Начальник не выдержал плача старой женщины, рыдающей, словно ребенок, встал с места.

– Что вы хотите от меня, мать?

Сыргалы, бессильно ссутулившись, сидела безмолвно. А что теперь ей делать, если не сидеть? К кому идти? Если самый большой начальник говорит о ее сыне такое, куда ей идти, кого просить и умолять?

Подполковник милиции принялся мерить шагами свой огромный кабинет, прошел мимо старухи несколько раз, затем вернулся обратно и сел на свое место.

– Апа, послушайте, есть у меня один совет, – сказал он, смягчив голос. – Я вижу только один выход из этой ситуации. Для этого заявитель должен как можно скорее забрать свое заявление обратно. Только тогда ваш сын выйдет на свободу. Поняли?

Сыргалы перестала плакать, подняла голову.

– Говоришь, только тогда выйдет на свободу, сынок?

– Да. Для этого – в народе же все происходит – ваши родичи должны уговорить продавца забрать заявление обратно. В конце концов, ведь никто не пострадал.

Хотя старуха еще не знала, удастся ей уговорить продавца или нет, тем не менее, сильно обрадовавшись подсказке начальника, всей душой потянулась к свету надежды, который забрезжил для нее. Этот крепкий осанистый мужчина, уверенно восседающий перед ней, еще минуту назад внушавший ей робость и своей формой, и холодным видом, теперь казался ей не начальником, а долгожданным спасителем, и она смотрела на него глазами, переполненными материнской теплотой.

– Айналайын, живи долго, пусть будет у тебя много детей и внуков! Значит, мне нужно скорее попасть в аул. С чего упираться продавцу, думаю, пойдет навстречу. Скорее всего, написал заявление, ослепленный гневом. А как же... Сколько ни говори, Жанабекжан тоже перешагнул черту. О, боже, был же кротким, тихим мальчиком. Эх, милок, сайтан сбил с пути и попутал его. Ну, прощай, милок. Вижу, ты человек видный собой, заметный. Где бы ты ни был, пусть Аллах бережет тебя!

Сыргалы, продолжая благодарить начальника, спотыкаясь, путаясь в подоле своего платья, направилась к двери.

– Ладно, мать. Вы слишком перехвалили меня, – подполковник улыбнулся. – Но поймите сказанное правильно. Пока заявитель не заберет свое заявление, мы ничем вам помочь не сможем.

* * *

Поначалу ни Нуркожа, ни его жена не хотели прощать Жанабека, они даже слышать о нем не хотели. Но народ есть народ, в ауле все ведь сородичи, и когда Ибадилла с двумя или тремя аксакалами во второй раз пришел к нему с просьбой, продавец вынужден был согласиться.

– А что мне еще делать, как не уважить вас, Иеке, – по слухам, сказал он, глядя на Ибадиллу, сидящего на торе. – Говоря по правде, парень ваш уже у меня в печенках. Сначала, напечатав про меня в газете, опозорил перед всем миром. Этому ему показалось мало, и он заявился, чтобы разрушить мою семью. Как на духу, перед богом, скажите, как мне его простить после этого? Только от того, что вы, аксакалы, во второй раз приходите, отступаю от своего решения.

Продавец умел говорить, после его слов бедные старики так и заюлили перед ним.

– Ойбой, айналайын, в твоих словах нет никакой ошибки. А нашему сорванцу поделом было бы, однако бедная старуха так убивалась, так горевала, что мы не выдержали, – так, оказывается, наперебой частили они, умоляюще глядя на продавца, дескать «как бы ненароком не передумал». Затем, не теряя времени, толпясь, вытащили узелок с деньгами старухи Сыргалы, там была тысяча рублей, и бросили перед хозяином дома. – Ну, милок, ты тоже потомок достойных аруахов, это тебе и чапан, и конь – кун за нашу провинность.

Что и говорить, через неделю, с трудом выйдя на свободу из отделения милиции, Жанабек вернулся в Акиин. Было вечернее время. Когда Озипа, подоив корову, выходила из сарая, протяжно проскрипела калитка, и во двор, сутулясь, вошел муж. Говорят, сильная радость и сильный испуг недалеко ушли друг от друга. Она не отдавала себе отчет в происходящем.

– Мама!.. – закричала она.

Сыргалы, сидевшая во дворе на помосте, держа на коленях трехлетнюю внучку Кыргызы, не на шутку перепугалась:

– О, боже, что еще случилось? О, боже, уж не ушиблась ли ты, милая? – она поспешно вскочила с места.

– Сын ваш вернулся! Жанабек!.. – сказала Озипа дрожащим голосом.

Что тут скажешь? Не было свидетелей этой встречи – вне себя от избытка чувств, трое обнялись в вечерних сумерках.

– О, единственный мой! Верблюжонок мой! – проговорила мать.

– Это же сын своей апа!.. – подойдя с другой стороны, ласково обняла его жена.

Жанабек почувствовал, что кто-то путается у него в ногах, дергая за штанины. Глянув вниз, он увидел свою маленькую Кырмызы. Тербя его, она лопотала:

– Коке! Коке!

Увидев ее, Жанабек почувствовал горячую волну в груди, в которой все таяло и плыло. Он подхватил дочурку и прижал к груди. Раньше молодые супруги особенно баловали дочь, считая ее «дочерью старухи». В эту же минуту молодой джигит, забыв про древний казахский обычай, прижал к розовой щеке дочурки, благоухающей нежным молочным запахом, свои растрескавшиеся грубые губы.

Что и говорить, в этот вечер семья легла спать далеко за полночь. Сначала в центр поставили самовар, попыхивающий паром из отдушин. Чай пили долго, с перерывами. Сыргалы и Озипа то и дело поглядывали на Жанабека, возлежавшего на торе, подложив под бок подушку.

– Жеребенок мой, похудел ты, бородка появилась, – расчувствовалась Сыргалы.

Озипа, конечно, на глазах свекрови не могла дать волю своим чувствам. Однако она не хотела отставать от старухи.

– А глаза-то, глаза совсем запали, – потаенно ласкала она мужа приглушенным сиянием глаз.

– Побреюсь!.. – Жанабек, ухмыльнувшись, погладил щеки ладонями.

– И что, светик мой, тебя держали в самой тюрьме? О, боже, как бы то ни было, на этот раз уцелел ты, пронесло лихо мимо, – всхлипнула Сыргалы, вытирая глаза.

– Перестань, апа, не плачь. – Жанабек встал и обнял мать за плечи. – Тюрьму я и в глаза не видел, лежал я в КПЗ.

– Это еще что такое?

– Это? Это же... – молодой джигит, не зная, как объяснить матери про КПЗ, невольно почесал затылок.

– Наверное, что-то вроде сарая, – предположила Озипа, встряв разговор.

– Не-ет... Вы же были в здании милиции, там внизу есть подвал. Там.

Сметливая жена интуицией вникла в суть его объяснения:

– Что-то вроде землянки.

– Да, можно и так сказать.

– Если под землей, значит, воздуха было мало, – посмотрела с жалостью мать на сына.

Жанабек сразу же отшел ее опасливое подозрение:

– Нет, апа. Воздух там неплохой, ничем не отличается от воздуха в этом доме.

Снова пили чай. После чая через час или другой принесли мясо. После мяса опять пили чай.

– Ойбу-у, а ведь уже два часа!.. – воскликнула вдруг Озипа, глядя на настенные часы. – Апа, вы не хотите спать?

Сыргалы, только сейчас понявшая, что слишком засиделась рядом с молодыми, тоже всполошилась.

– Ойбай, ну тогда стели постель. Мы сидим и болтаем себе, болтаем, а Жанабекжан, наверное, совсем устал.

После этого Озипа принялась стелить постели, старуха, вздыхая: «Ох, поясница моя...», скособочившись, поднялась с места и поплелась в свою комнату. У самой двери она обернулась и сказала:

– Кырмызы положите рядом со мной.

Ну, вот, народ улегся в постели, лампа погасла. С нетерпением ожидавшая эту минуту, Озипа, обдав мужа горячим дыханием, что-то шепча, порывисто обняла мужа.

– Душа моя!..

– Озипаш!..

Слившись в жарких объятиях, супруги некоторое время лежали молча. Затем, удовлетворив желание, они начали шепотом разговаривать. Озипа до деталей поведала мужу о всех происшествиях в ауле, пока его не было.

– Ойпырмай, и что, этот усатый, не стыдясь, взял тысячу рублей? – вспомнил тут о деньгах Жанабек.

– Странный ты, как не возьмет? Или ты думаешь, что продавец кого-нибудь пожалеет?

– Эх, это были деньги, отложенные на мотоцикл...

– Пропади пропадом этот мотоцикл и все остальное... – Озипа снова обняла мужа и притянула к себе. – Считай, что это пожертвование за свободу. Ойбай, а если бы тебя засудили?.. Что мы тогда делали бы? Жанабек, почему мы не живем, как другие, тихо, сами по себе? Черт с ними, какое нам дело до них? Все равно никто никого не исправит.

– И что тогда, мы не должны говорить о безобразиях, которые изо дня в день ведут к бездне наш аул? Ну, тогда мы все должны завязать глаза тряпками и так жить.

– Пусть так, завязать так завязать, может быть, так лучше. А если жить с открытыми глазами, то какая польза от этого? Бабушка моя, покойница, говаривала: «Если в стае черных ворон заведется одна белая, то остальные станут клевать ее со всех сторон, сживая со свету». Как бы мы не стали чем-то вроде белой вороны для этого аула.

Не зная, чем ответить жене на эту поговорку, Жанабек недовольно замолчал. «Эта моя Озипа найдет же какое-нибудь словцо, – думал он, сердясь на нее. – Как это можно, словно больше ничего не нашлось, сравнивать человека с вороной?»

Молодая жена, без труда догадавшись, отчего холодно оцепенев, замолчал муж, придвинулась к нему поближе, обжигая его налитым, сочным телом.

– Ладно, не обижайся. Что-то ты совсем обидчивым стал, – ласково потянула она его за нос. – Ну-ка, пододвинься ко мне поближе. Я так соскучилась по тебе. Кстати, Жанатай, недавно я видела сон. И приснится же такое.

– Расскажи.

– То ли праздник Наурыз, то ли Первое мая, в общем, все мы собрались на праздник на площадку возле аульного магазина. Солнце так ярко светит. И все жители Акиина устроились на качелях и раскачиваются.

Жанарбек чутко напрягся.

– Качели?

– Да, самые обыкновенные качели, – Озипа мелодично чему-то засмеялась. – Говорю же, все жители аула забрались на качели и качаются туда и сюда. Кас-

кырбай, продавец Нуркожа, Алданыш, Келдибай-кайнага, Гуляим-женгей, отец Каскырбая Караменди, бабушка Камка из их дома... Среди них и я. И все мы, будто поймали семь зайцев на семи лугах, такие восторженные.

– Действительно, интересно, – сказал Жанабек, улыбаясь. – И что тогда, выходит аксакал Караменди и старуха Камка тоже качаются на качелях?

– Говорю же – все мы. Вдруг в какой-то момент мерзавец этот, Нуркожа, карабкаясь, будто жук, подбежал и толкнул меня, не ожидавшую этого, вниз. Одной ногой я зацепилась за землю, но другой рукой держу качели. Оперлась свободной рукой о землю и снова выпрямилась в полный рост. Что-то слегка ободрало ладонь – так что сочится, капает кровь. Рассерженная, поглядываю по сторонам, ищу его. А продавца уже след сгинул. Проснулась и поняла, что сон. На следующий день рассказала про сон матери. «Хорошо, что одной рукой удержалась на качелях, иншалла, все у нас закончится добром. Кровь, которая брызгала из ладони, – это беда, приключившаяся с Жанабеком, пережитая нужда. Ну, а раскачивающиеся качели – вся ваша жизнь, все интересное, что ждет вас впереди. А жизнь – это испытание и дар Аллаха человеку – рабу своему. Поэтому каждый должен крепко держаться за свои качели», – сказала она. Наша апа же мудрая. Как она ладно растолковала сон, а?

Жанабек ухмыльнулся.

– Да, вы с матерью просто святые ясновидящие. На самом деле это интересный сон. Ну, скоро рассвет. Надо немного поспать.

Объятия супругов вновь сомкнулись. И в таком положении они провалились в сладкий сон.

* * *

Знавший о безработице только понаслышке из газет, Жанабек теперь воочию увидел, что это такое. Увидел своими глазами – это мягко сказано, безработица стала самой настоящей его кабалой. Келдибай, оказывается, на должность моториста взял тракториста Абдилду. Абдилда и раньше просил зав. фермой: «Радикулит меня замучил, не могу терпеть тряски трактора, Келдеке, подберите мне в ауле работу полегче». Жанабек краем уха слышал об этих его просьбах, и вот теперь он убедился, что это правда. «Ойпырмау, если попадаешь в переплет, оказывается, вот что тебя ждет. Народ начал пренебрегать мною, – затосковал Жанабек, услышав про эту новость. – Неужели во всем ауле не нашлось для него другой работы, кроме моей?..» Но, справившись с гневом, обдумав ситуацию, он понял, что в Акиине такому человеку тихую работу трудно найти, ее – по пальцам перечесть.

Еще две недели ушли на пустое мотание Жанабека по аулу в поисках работы. Искерпав все возможности, в один прекрасный день с упрямым видом заявился он в кабинет зав. фермой. Поприветствовав начальника, он сразу приступил к делу.

– Келдеке, я остался без работы.

– Знаю... – холодно ответил бастык.

– Ну, если знаете...

Келдибай не поддержал разговор, храня холодный, мрачный вид, он мотал парню нервы. Да, у зав. фермы были основания злиться на него. И поделом, наверное, было. Когда джигит-корреспондент в своих статьях в районной газете

осыпал критикой подряд одного аульчанина за другим, Келдибай не одергивал его, быть может, помятуя, что они из одного рода, или по другим причинам. Однако однажды пригласил его к себе домой и там по отечески сказал ему: «Милок, зачем тебе газит-пазит? Ты брось это занятие. Иначе станешь для народа несчастным козлом отпущения». Да разве в то время внештатный корреспондент газеты «Свет коммунизма» разве был склонен слушать от кого-то советы? Жанабек эти далеко-видные слова воспринимал не нутром уха, а лишь краем. Поэтому он не мог сердиться на зав. фермой, сидящего перед ним, мрачного и молчаливо-недоступного.

Он только попросил:

– Ага, помогите, если есть возможность.

Келдибай цепко глянул на него исподлобья, помолчал немного.

– Работы нет! – сказал, и глазом не моргнув. – Эй, скажи, зачем ты вцепился в Нуркожу? Какого черта?! Я думал, ты родственник, а ты, оказывается, джигит, недалекий.

После этих слов Жанабек так и замер понуро, словно на него опрокинули ведро ледяной воды. «Оказывается, ты, джигит, недалекий!..» – эти слова, повторяясь, молотили его по голове, впиваясь в сознание. Он еще несколько минут посидел с глупым видом перед бастыком, а потом поплелся к себе домой.

По дороге домой он вспомнил еще один разговор про продавца, слышанный краем уха от аульных женщин. Судя по нему, пригласил его в аул не кто иной, как Келдибай. Не придававший значения пустым слухам, Жанабек понял, что первый раз в жизни совершил большую ошибку именно благодаря своему характеру. «Да-а, выходит, правда то, что в народе говорят о них, что они – не разлей вода. Эх, как это так получается, что такие простые вещи приходят так поздно в мою голову», – думал он, злясь на самого себя.

На следующий день он махнул в районный центр. Приехав, сразу же направился в редакцию. Цель – пусть будет стыдно, но рассказать всю правду главному редактору. Однако не зря говорят: «У невезения сорок братьев». Жанабек не застал на своем месте редактора. Оказывается, месяц назад, сдав свою работу, он переехал в областной центр.

Новый редактор перевелся из райкома партии. Он и близко не подпустил к себе корреспондента. А когда услышал, что он – тот самый джигит, написавший фельетон про продавца, то и вовсе испугался.

– Э-э, ты тот самый джигит... – сказал он, поглаживая две бурые пряди волос, которые опускались на виски. – Ну, дорогой мой, скажу напрямик: такой поступок идет вразрез с тем, каким должен быть работник советского издательства. Знаю, знаю, что сидел в КПЗ. И, дорогой, мы, наверное, заберем документ у такого внештатного корреспондента, как ты. Среди белого дня нацелить ружье на человека... Это же ужас!.. Говорю тебе, что придется удостоверение положить на этот стол.

Редактор вытаращил сквозь стекла очков свои не то черные, не то карие глаза, а больше цвета мутной воды, и показал выразительным жестом на огромный дубовый стол.

– Ага, вы сначала поймите, – разозлился Жанабек. – Вы говорите Совет, Совет. А в том магазине были грубо нарушены правила вот этой советской торговли.

– И что тогда, нужно застрелить кого-то из ружья? Нарушили – так есть органы, ну и что же, пусть идут, проверяют. При чем тут редакция? Нет, товарищ

мы не можем оправдывать такой хулиганский поступок. Я вот уже тридцать лет коммунист, и нисколько не намерен отвечать перед партией за какого-то внештатного корреспондента.

– А кто просит вас отвечать?

– Не-ет, ты меня в такое лихо не впутывай. А удостоверение сдай мне прямо сейчас.

Жанабек молча встал, вытащил дрожащими руками из кармана штанов «кочку» внештатного корреспондента и бросил на стол перед редактором.

– Вот, берите! Если считаете это чрезмерным для меня, забирайте!..

Сказав это, горящим взглядом хлестнул редактора, ошестинившегося, будто еж, с вздыбленными волосами на висках, и выскочил наружу.

Этот день, наверное, останется в личной биографии Жанабека как самая печальная страница. Вот сейчас он размашисто шел по гравийной окраинной улице райцентра, а в душе во весь голос проклинал несправедливые, бессовестные порядки этого мира. Все-таки для внештатного корреспондента документ размером всего лишь с ладонь имел особое значение. С этим небольшим куском печатной бумаги были связаны и его мимолетное счастье, и несчастье. Одно время судьба окунула его душу в неизведанное волшебное чувство некой избранности, щедро одарив этой печатной картонкой, и вот теперь она же грубо отняла ее у него. Какая жестокость!.. Если хорошенько подумать, разве не был этот документ не неожиданным подарком судьбы, а признанием людьми его честного, жертвенного труда? Сколько забот и хлопот пришлось изведать ему ради этого? О, боже! Из-за этого он стал козлом отпущения для аульчан, обидел жену, даже отсидел в КПЗ. Да, судьба не дала ему не только диплом, но даже аттестат о среднем образовании. Как бы то ни было, и в таких обстоятельствах он и не думал обвинять других людей, более удачливых и везучих, чем он. Он следовал своей судьбе, написанной на челе, смиренно неся свою долю. А когда наконец в его руке оказался этот кусок печатной картонки, толпа бросилась по его следу.. Где истина, где справедливость, где коммунистическая мораль, о которой кричит всякий советский рупор? «О, бедная моя голова! Поверил во все это, как в идеал, набитый дурак!» – так твердил молодой джигит, и его печаль огнем вырывалась из его уст.

В этот день он даже не навестил старшую сестру, живущую в районном центре. Сел на попутку и помчался домой в аул.

* * *

Вот уже несколько дней как Жанабек в ауле, он слоняется без дела, безразличный ко всему, какой-то сонный. Временами устраивается на помосте в середине двора и сидит там неподвижно, уставившись в одну точку. Бывает, выходит за пределы Акиина и бродит по окрестностям, словно человек, ищущий неизвестно что. Он стал замкнутым, неразговорчивым, улыбка не появляется на его лице. В этом загадочном состоянии он находился долго, походя на человека, отвергшего суету и прелести мира. Поначалу Озипа не обращала внимания на изменения в характере мужа, а затем они начали пугать ее. Однажды она поделилась опасениями со свекровью.

– Апа, вы не заметили, что творится с вашим сыном? – выдала она свой страх. Но старая женщина, изведавшая все в этой жизни, от ее прелестей до самых горьких переживаний, развеяла страхи невестки, ответив с невозмутимым видом:

– Не бойся этого, дочь моя. Сын мой глубоко задумался о смысле бытия, и гордость в нем убавилась. Это временно, вы еще молоды, и все, что сейчас происходит, однажды забудется.

Озипа грустно сказала:

– Не знаю, апа. Да сбудутся ваши слова...

Шли дни, однажды Жанабеку сказали, что его зовет Келдибай к себе в кабинет. Он пришел к бастыку. Сразу заметил, что зав. фермой заметно потеплел в отношении к нему. Он объяснил суть дела. Накануне старик Сырлыбай вышел на пенсию, и, похоже, что городские дети хотят забрать его к себе. Келдибай и другие специалисты совхоза пытались уговорить его побыть с отарой еще год. Старик, к слову сказать, был не против, но его старуха и дети дали категорический отказ. И теперь зав. фермой просит Жанабека попасть отару до следующего лета.

– Мое обещание – твердое слово, – сказал Келдибай, подводя итог разговору. – Если ты благополучно выведешь отару из зимы, то даю слово, что летом подберу тебе на ферме ту работу, которую ты сам выберешь.

Жанабек, долго не раздумывая, дал согласие. Таким образом, всего за два или три дня его семья собрала вещи и поспешно перебралась в Кызылкумы.

То ли оттого, что был он в обиде на родичей, то ли работы было невпроворот, долго время он не показывался в Акиине. Молодой джигит, без того державшийся особняком от народа, сделался вовсе необщительным, замкнутым. Человек, много времени проводящий на природе в одиночестве, должен быть, наверное, мечтательным по натуре. Выпасая овец на пастбище, порой безотчетно отдавался он власти разных мыслей. «Апырай, и где же тогда справедливость? – в который раз он терзал себя вопросами. – Говорим: истина, вздыхаем: справедливость. Всея вопящей душой я устремился на борьбу за справедливость, а она наградила меня за это вот этим? Выходит, та самая белая ворона среди множества черных ворон, о которой говорила бабушка Озипы, это не кто иной, как я сам?..»

Неизвестно отчего, но как только задумывался Жанабек о белой вороне, так сразу и вспоминал тот самый сон Озипы. И чудился ему утешающий голос матери, призывающий их к уму-разуму, терпению: «Хорошо, что одной рукой удержалась на качелях, иншалла, все у нас закончится добром. Кровь, которая брызгала из ладони, – это беда, приключившаяся с Жанабеком, пережитая нужда. Ну а раскачивающиеся качели – вся ваша жизнь, все интересное, что ждет вас впереди. А жизнь – это испытание и дар Аллаха человеку – рабу своему. Поэтому каждый должен крепко держаться за свои качели.»

Отдаваясь мечтам, Жанабек с головой погружается в свой мир, забывая о внешнем. И мнятся ему огромные качели, медленно качающиеся под великим бескрайним голубым небом, над зеленой лужайкой, залитой одновременно и лучами солнца, и сиянием полной луны, плавно летящие над колыбелью человечества – миром, исходящим мутно-пенным кипением несметных забот, беспокойства и смуты, в которой обычно проходит жизнь людская.

Перевод Аслана Жаксылыкова

